

В. И. АБАЕВ

О СОБСТВЕННЫХ ИМЕНАХ НАРТОВСКОГО ЭПОСА

*Институт языка и мышления Академии наук СССР
Язык и мышление, V, 1935*

Знаменитый северокавказский эпос о легендарных героях «Нартах» ставит до сих пор перед исследователем ряд трудноразрешимых загадок. С тех пор как Вс. Миллер провел свои известные параллели между нартовскими мотивами, с одной стороны, и алано-скифским бытом, иранским эпосом и русскими былинами, с другой,¹ не появлялось до последнего времени таких исследований, которые можно было бы расценивать, как существенный шаг вперед в деле разрешения нартовской проблемы. Такие работы, как: М. С. Туганов. Кто такие нарты? Изв. Осет. Инст. краевед., I. Владикавказ, 1925, С. 371–378; А. Кубалов. К вопросу о происхождении нартовских песен, *ibid.*, С. 379–382; М. В. Рклицкий. К вопросу о нартах и нартовских сказаниях. Владикавказ, 1927; Б. А. Алборов. Термин «нарт», изд. Научного общ. этногр., языка и литер. при Горском Пед. инст. Владикавказ, 1930, С. 192–300 – не лишены в отдельных случаях весьма интересных и ценных мыслей и наблюдений. Однако все они в той или иной мере грешат против требований строгого научного метода и поэтому не убеждают во всем, что касается принципиальных выводов и обобщений.

Работу иного масштаба и значения представляет появившаяся в 1930 г. книга Dumezil's «Légendes sur les Nartes» (Paris). В этой работе мы имеем, во-первых (во французском переводе), наимолее полное собрание нартовских сказаний из всех, какие до сих пор появлялись, с использованием почти всех изданных материалов

¹ См. Миллер Вс. Черты старины в сказаниях и быте осетин. ЖМНП. 1882, кн. VIII. С. 191–207; его же: Отголоски иранских сказаний на Кавказе. Этногр. обозр., кн. 2, 1889 (= прил. 2 к работе «Экскурсы в область русского народного эпоса». I–VIII, 1892, С. 37–69); его же: Кавказско-русские параллели. Этн. Об., 1891, кн. 10, 11 (= прил. 1 к работе «Экскурсы» и т. д.).

(кроме вышедших в последние годы адыгейских и юго-осетинских изданий, не использованных, быть может, потому, что они не снабжены русским переводом). Сказания сгруппированы по циклам вокруг главных героев эпоса: цикл Wyguzmæg'а и Satana, Хæтмус'а и Batradz'а и т. д. Приложенные к книге пять мифологических этюдов представляют большой интерес. В них автор не только подытоживает все, что сделано до него в области исторической и мифологической интерпретации нартовских сюжетов, но и проводит ряд новых остроумных параллелей и, в частности, дает опыт мифологического истолкования двух центральных фигур нартовского эпоса, Батрадза и Со-зрукo: в первом он усматривает черты грозового божества, во втором – солнечного.

И по объему и по значению книгу Dumézil'я следует признать крупнейшей работой, посвященной нартовскому эпосу. Однако и в этой работе остался незатронутым ряд кардинальных вопросов, в частности вопрос об участии и взаимодействии отдельных этнических культур Кавказа в процессе формирования нартовского эпоса и в связи с этим вопрос о происхождении нартовских собственных имен.

Таким образом, по вопросу о собственных именах нартовского эпоса, кроме неопределенного указания Вс. Миллера, что эти имена «за немногими исключениями носят не осетинский, а кабардинский или иностранный характер», и кроме крайне рискованных этимологий, которые мы находим в работах М. Туганова, А. Кубалова, М. Рклицкого и Б. Алборрова, мы ничего в сущности не имеем.

Тот факт, что эпос бытует среди в корне различных по языку народов: кабардинцев, осетин, балкарцев и др., сам по себе представляет огромный интерес с точки зрения культурной истории Северного Кавказа. С естественной необходимостью возникает вопрос о едином культурном субстрате, на который наслонились впоследствии специфические национальные элементы: осетинские, кабардино-черкесские, балкарско-карачаевские, ингушско-чеченские, дагестанские. Отсюда задача – выделить в эпосе, с одной стороны, то, что относится к общему субстрату, с другой – то, что привнесено туда отдельными северокавказскими народностями из своего специфического «национального» фольклорного фонда. Одним из существенных моментов на пути к решению этой задачи представляется нам анализ нартовских собственных имен.

Следует, однако, оговориться с самого начала, что вопрос о происхождении нартовских собственных имен ни в коем случае нельзя отождествлять с вопросом о происхождении самого эпоса или хотя бы о происхождении отдельных сюжетов, в которых данные имена встречаются.

Здесь весьма поучительно сравнение со смежной областью религиозных воззрений. Осетинский пантеон состоит, как известно, из божеств, носящих в большинстве имена христианских святых: Георгия, Ильи, Федора, Николая и др. Однако плох был бы тот исследователь, который бы строил на этом какие-либо заключения о происхождении религиозных верований осетин. Не подлежит сомнению, что по своему существу, по своей типологии эти верования идут целиком из общего дохристианского «языческого» мира вместе с аналогичными верованиями других горских, в особенности западногорских народов Северного Кавказа. Христианские «святые» оказываются преемниками и двойниками первобытных языческих божеств и от своей христианской природы не удерживают ничего, кроме имени.

Но в то же время наличие у осетин христианских «святых» в качестве божеств не безразлично для историка культуры, так как оно говорит о тех, пусть чисто внешних, формальных, но все же бесспорных и значительных христианско-церковных влияниях на осетин, которые имели место в определенную эпоху их исторической жизни.

Примерно так же обстоит дело с эпосом. Отнесение того или иного нартовского имени к тому или иному языковому и культурному миру, не решая отнюдь вопроса о происхождении данного сюжета или повествования, позволяет, однако, делать известные выводы относительно того, какие языковые и культурные среды участвовали хотя бы во внешнем оформлении этого сюжета или повествования.

С этой точки зрения анализ нартовских собственных имен, ни в коей мере не покрывая собой проблемы нартовского эпоса в целом, является, однако, одним из важных и необходимых этапов на пути к научной постановке и разрешению этой проблемы.

Если иметь в виду все варианты нартовских сказаний, т. е. как осетинские, так и кабардинские, балкарские и пр., и если взять на учет всех героев, которые в этих сказаниях относятся к легендарному племени нартов или так или иначе с ним связаны, то нартовский ономастикон оказывается исключительно богат и разнообразен и содержит отложения самых различных эпох, культур и языков.

В настоящей статье, оставляя в стороне третьестепенных героев, мы остановимся, с одной стороны, на наиболее известных именах, общих всем или почти всем национальным вариантам нартовского эпоса, с другой – на именах, характерных исключительно для осетинских вариантов. При этом отправной инстанцией будут для нас в том и другом случае осетинские варианты.

К первой группе относятся:

1. *Wyryzmæg*, дигор. *Urzmæg*, *Orzmæg*, *Oræzmæg*, *Wæræzmæg*; балкар. *Uryzmek*, *Örüzmeg*; кабард. *Ozyrmeg*, *Ozermeg*, *Ozermeš*, *Uzyrmes*; абадзех. *Urzames*; ингуш. *Orzmi*, *Uryzman*.

Один из популярнейших героев у осетин и балкарцев. Выступает обычно в роли старшего из нартов. Муж и брат *Satana*. Из эпизодов, связанных с его именем, наиболее популярны: женитьба на сестре, нечаянное убийство сына, встреча с вернувшимся из загробного мира сыном, эпизод в пещере великана, почти в точности повторяющий известный рассказ об Одиссее и циклопе Полифеме, приключение, связанное с превращением героя в собаку (и других животных), «последний подвиг» (взятие и ограбление хитростью одного города).

Исходя из дигорской формы *Oræzmæg* || *Wæræzmæg* (Памятники народного творчества осетин, 2, стр. 42 сл., 63 и др.), сближаю с иранским именем *Warazman*, сохраненным в «Истории Албан» Моисея Каланкатуйского².

Признание формы *Wæræzmæg* в осетинском более старой по сравнению с *Wyryzmæg*, диг. *Urzmæg* основывается на данных исторической фонетики осетинского языка, согласно которым старое *a* нередко ослабляется в у диг. *i*, в то время как обратное движение не имеет места, ср. *cyppar*, диг. *cippar* ‘четыре’ при авест. *čaθwār-*; *myd*, диг. *mud* ‘мед’ при авест. *tādi-*; *fys*, диг. *fus* ‘овца’ рядом с авест. *pasu-* и др.

Любопытно, что кабардинский дает также два варианта этого имени, соответствующие, по-видимому, двум осетинским: каб. *Ozyrmeg* = диг. *Oruzmæg* и каб. *Ozermeg* = диг. *Oræzmæg* || *Wæræzmæg*.

Вряд ли есть надобность для объяснения осетинского *Wæræzmæg* предполагать существование особой среднеиранской формы **Warāzmak* рядом с *Warazman*. Гораздо вероятнее, что замена конечного *-æn* современным *-æg* произошла уже на осетинской почве, отчасти под ассимилирующим влиянием других нартовских собственных имен, исходящих на *-æg*; ср. *Wæræg*, *'Xsærtæg*, *Gætæg*, *Dedenæg*, *Bedzenæg*, *Balsæg*, *Sajnæg*. Известно, что *-æg* является вообще одним из излюбленных суффиксов осетинского языка³.

² BROSSET M. Histoire ..., Additions ..., 475, 478; HÜBSCHMANN. Arm. Grammatik, 81, F. JUSTI Iran. Namenbuch, 360. Имя *Warazman* носят несколько лиц, потомков некоего *Mihr'a* или *Mihran'a*, сасанида по происхождению, бежавшего в Албанию, где он положил начало династии *Mihrakan'*ов, правителей области Гардман в Албании (VII–VIII век). Этимологически имя сближается с иранским названием ‘кабана’: авест. *varāza-*, санскр. *varāha-*, пехл. *varāz*, курд. *berāz*, н. перс. *gurāz*.

³ Если с осет. *Wæræzmæg* можно сблизить имя абаскского (абхазского) царя 'Рημάγας (II век н. э., JUSTI. Iran. Namenbuch, s. v.), на которое любезно обратил мое

Несохранившуюся в осетинском форму *Wæræzmaen отражает, по-видимому, ингушское *Uryzman*.

2. *Satana*; балк. *Satanaj*, *Satanoj*, кабард. *Setanej*, зап. черк. *Setenej*, абадзех. *Satanaj*, чечен. *Seli-Sata*.

Популярнейшая героиня эпоса. Сестра и жена *Wyryzmæg*'а. Идеал хозяйки дома («*ne'fsin – Satana*» «наша хозяйка – *Satana*», поется в песне). Вещая и мудрая женщина, своим умом и хитростью не раз выручающая народов в тяжелые минуты.

В дигорских вариантах зовется часто *Axsijnae* (см. ниже).

Сближается с именем легендарной аланской царевны *Catinik*⁴. Предание о последней и об ее браке с армянским царем Арташесом сохранено Моисеем Хоренским (История Армении, в переводе Эмина, С. 121, 274, 296). *Dumézil* идет дальше и проводит между осетинскими легендами о *Satana* и армянским сказанием ряд сюжетных параллелей, имеющих разную степень убедительности, но в целом дающих интересную для фольклориста картину (Légendes sur les Nartes, 167–178).

Армянское предание о *Catinik*, поскольку сближение последней с осет. *Satana* в высокой степени заманчиво, подкрепляет как-будто предположение об аланском (resp. осетинском) характере этого имени. Однако аланско в данном случае, как и во многих других, не совпадает с иранским. Звуковой облик имени *Satana* абсолютно исключает возможность отнесения его к исконному иранскому фонду осетинского (наличие трех долгих *a*, в особенности конечное *a*)⁵.

3. *Xætus*, диг. *Xætic*, балк. *Xatič*, каб. *Xutuš*, абадз. *Xëtuš*, инг. *Xamč*.

Отец знаменитого героя *Batratz*'а (см. ниже), брат *Wyryzmæg*'а. Гуляка и женоугодник. Обладатель чудесного зуба (*Arqyzy daendag*), делавшего его неотразимым для женщин. Известен рассказ об его женитьбе на девушке из народа карликов (*Bycen*) или водных существ (*Donbettyr*) (*Dumézil*, 50–54).

внимание А. Н. Генко, то это свидетельствовало бы о весьма ранних аланско-абхазских связях.

⁴ ЛАВРОВ Д. Заметки об Осетии и осетинах. СМОМПК, III. I. С. 189; DUMÉZIL, С. 171.

⁵ Имя *Wyryzmæg* мы поставили выше в связь с иранским именем *Warazman*, сохранившимся только на армяно-албанской почве. В эту же сторону тяготеет, как видим, и имя *Satana*. Не говорит ли это о каких-то особых связях народовского эпоса в его известной части с албано-армянским миром? Наличные данные не позволяют пока пойти дальше постановки вопроса.

Это имя, как и следующее (*Batradz*), можно, по-видимому, рассматривать как один из интересных памятников старых осетино-монгольских сношений. Как составную часть собственных имен монгольской знати мы встречаем слово *Xabiči*⁶. Хотя на монгольской почве, как нам указывают специалисты, это слово не поддается удовлетворительному разъяснению, тем не менее сопоставление осетинского *Хæтус* с монгольским *Xabiči* и со стороны звуковой (для перевоя *b* → *t*ср. хотя бы осет. *tamako* 'табак'), и под углом зрения исторических реалий (монгольско-асские отношения) не вызывает особых возражений, если учесть в особенности, что неразрывно связанное в эпосе с именем *Хæтус* другое нартовское имя *Batyrd-adz* представляет в своей первой части уже бесспорный монголотурецкий вклад⁷.

4. *Batradz*, *Batyraz*, *Batrax*, каб. *Batyrez*, абадз. *Peterez*, инг. *Pataraz*.

Сын *Хæтус*'а. Излюбленный герой в осетинских вариантах. Могучий и непобедимый витязь. Рождение его чудесно; его мать, жена

⁶ ВЛАДИМИРЦОВ Б. Я. Общественный строй монголов, 1934, С. 51 [«Бариньшира-тухабичи»; автор употребляет термин, как нарицательный (титул?): «За матерью этого хабичи последовала одна женщина ...»]. Как любезно сообщил нам В. А. Казакевич, в XIII–XVI вв. термин *xabiči* встречается в составе монгольских собственных имен довольно часто. В китайской истории монголов (Юань-ши) засвидетельствовано для этой же эпохи имя *Xa-bi-si* (哈必失), как имя монгольского военачальника, принимавшего участие в одном походе совместно с асским (аланским) вождем Ильей [А. И. ИВАНОВ. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах, Христ. Восток, т. II, вып. III, 1913, С. 288]. В тождестве *xabiči* и *Xabiči* вряд ли можно сомневаться. В «History of the Mongols» HOWORTH'А, I, 222 этот военачальник упоминается под именем *Apiči* («the Mongol general Apichi»). Еще интереснее для нас любезно сообщенное нам Ц. Ж. Жамцарапо имя *Xabiči-Batyr*, которое объединяет имена обоих осетинских эпических героев: *Хæтус*'а и *Batyr(adz)*'а.

⁷ Ср. также команское собственное имя *Xamaz* (*Chamaz*), засвидетельствованное для конца XIII столетия (1296 г., см. Wenzel. Cod. Dipl. Arpadianus, XII, 599). XIII и XIV век – это эпоха интенсивного взаимодействия алан-асов-яссов с монгольскими и турецкими племенами. Исторические свидетельства говорят между прочим об одновременном (или почти одновременном) пребывании в эту эпоху яссов (язигов) и команских турок в Венгрии. Одним из подтверждений этих язигско-команских сношений является наличие у яzigов нескольких явно команских собственных имен. В числе этих имен имеется и *Xamaz* [Gyárfás. A jász-kúnok története («История язигов и коман») 1875–1886, III, 463, см. Z. Gombocz. Ossètes et Jaziges (Revue des études hongroises et finno-ougriennea, 1925, № 1–2, С. 8)].

Хæтус'а, оскорбленная нартом *Syrdon'*ом, убегает в дом родителей; но перед уходом она вдувает «душу» уже зачатого *Batradz'*а в спину своему мужу *Хæтус'у*. На спине *Хæтус'а* образуется опухоль, которая в урочный час вскрывается вещей *Satana*, и оттуда раскаленный, как уголь, выскакивает *Batradz*. Весь из стали, он дает себя закалить небесному кузнецу *Kurdalægon'*у, и становится неуязвимым весь, кроме темени, на закалку которого не хватило воды в море (ср. «Ахилесову пяту»). Подвиги его многочисленны: он жестоко расправляется с великаном, покалечившим в его отсутствие многих нартов во время бурной нартовской пляски; заряженный в пушку вместо ядра, разбивает неприступную Хизову крепость; узнав, что нарты устроили заговор против его дяди, старика *Wyryzmaeg'*а, он внезапно спускается с неба (где он обычно гостит), спасает *Wyryzmaeg'*а и беспощадно избивает заговорщиков; жестоко мстит за смерть своего отца *Хæтус'а*; под конец вступает в бой с самими небесными силами и погибает в этой борьбе (см. DUMÉZIL, 50–74).

В образе *Batradz'*а Dumézil удачно вскрывает мифологические черты грозового божества (оп. cit., 179–189).

Имя *Batradz'*а, как и имя его отца *Хæтус'а* (см. выше), монголо-турецкого происхождения. Оно заключает в себе широко распространенное в турецких и монгольских языках слово *batyr*, *batur* ‘храбрый’, ‘смелый’, ‘герой’ (РАДЛОВ, IV, 1511, 1515). Возможно, что оба имени, *Хæтус* и *Batradz*, тесно между собою связанные в эпосе, усвоены в осетинский в одну и ту же эпоху из монгольского, где термины *xabiči* и *baatyr* употреблялись в качестве титулов (?) и украшающих эпитетов вождей⁸.

Неясным остается конечное *-adz*, *-az*. Если в нем усматривать старое название осетин *as* (*Batyr-az* = «богатырь асский», РКЛИЦКИЙ, 27), то имя *Batraz* представляло бы pendant к имени осетинского царя *Oси-Бакатара*, «богатыря осского» из Грузинской летописи (В. МИЛЛЕР. Ос. Эт., III, 30, 37, 38).

⁸ ВЛАДИМИРЦОВ Б. Я. Общественный строй монголов. С. 74; Вост. зап. I, 280. Ср. в особенности упомянутое выше монг. имя *Xabiči-Batyr*. Другая турецкая форма того же слова *bağatur* (монг. *bağadur*, перс. *bahādur*), РАДЛОВ IV, 1449, также налична в осетинском: *baħatyr*, с перестановкой *qəbatyr*, в значении ‘храбрый’, ‘герой’. Сюда же русское богатырь, венг. *bátor* и др. Первоисточником, откуда идут все эти формы, одни считают персидский (MIKLOSICH. Die Türkische Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen. I, 254; E. BERNEKER. Slavisches etymologisches Wörterbuch. I, 66) другие – думаю с большим правом – монгольский (VULLERS. Lexicon persico-latinum. I, 283). В осетинском, насколько можно верить грузинской хронике, слово еще в V в. налично в имени осетинского царя *Oси-Бакатара* (BROSSET. Histoire ..., С. 150 сл.).

5. *Sozyryqo*, диг. *Sozruqo*, *Sozuruqo*, балк. *Sosruqo*, *Sosruqua*, *Sosruq*, каб. *Sosruqo*, *Sosruqua*, абадз. *Sawsuruq*, чеч. *Soska-Solsa*.

Одна из центральных фигур кабардинского эпоса. Весьма популярен также в осетинском, где в качестве его дублета выступает, однако, часто *Soslan* (см. ниже), которому и приписываются все те подвиги, которые в других вариантах связаны с именем *Sozyryqo*⁹. Чудесно рожден из камня. В упорной борьбе побеждает *Celæxscærtæg'a* и женится на его сестре. Второй раз берет в жены дочь солнца (в некоторых вариантах). Спускается в подземный мир. Хитростью умерщвляет великанов, которого он, якобы для испытания его силы, уговаривает спуститься на зиму под воду, где тот обмерзает толстым слоем льда и, не будучи в силах проломить его, становится жертвой своего коварного врага. Также хитростью, по наущению *Satana*, убивает юного, но могучего витязя *Totradz'a*, который пытался отомстить ему за кровь отца. Шьет себе шубу из бороды и усов побежденных врагов. Погибает в борьбе с мифическим «колесом *Balsæg'a*».

В цикле *Sozyryqo-Soslan'a Dumézil* усматривает элементы солнечного мифа (op. cit., C. 190–199).

Имя *Sozyryqo* имеет явное кабардино-черкесское оформление, так как в конечном *-qo* легко опознается кабардино-черкесское слово *qo*, *qwa* ‘сын’. *Sozyryqo*, *Sosruqo* осмыслиается, следовательно, на кабардино-черкесской почве как ‘сын *Sozir'a*’ или ‘*Sosr'a*’¹⁰. Но самое это *Sozir*, *Sozur* или *Sosr* отнюдь не разъясняется из кабардинского, как и из осетинского. Возможна какая-то связь с именем *Soslan*, которое носит в осетинских вариантах богатырь-двойник *Sozyryqo* (см. ниже). В пользу «каланоскифского» происхождения имени можно было бы указать на «скифское» собственное имя Σοζίρσαυος (Латышев, II, 276), что можно осмыслить как «*Sozir* смуглый» (осет. *saw* ‘черный’). Вспомним кстати, что в кабардинских вариантах *Sosruqo* имеет эпитет «смуглый». С другой стороны, на кабардино-черкесской почве обращает на себя внимание близость имени нарта *Sawsuruq* с именем популярного черкесского божества *Sawzereš*.

В общем ничего достоверного.

⁹ Лишь в немногих вариантах *Sozyryqo* и *Soslan* выступают как два разных лица; см., напр.: Памятники народн. творчества осетин. I, 17 сл., 75.

¹⁰ Имена с оформлением на *-qo*, *-qwa* очень в ходу в кабардинском, откуда они в значительном числе усвоены и в осетинский; ср. осетинские собственные имена: *Elbyzdyqo*, *Afæqo*, *Sanaqo*, *Boryqo*, *Bætaqo*, *Alædžyqo*, *Wyrydzhyqo*, *Tepsaryqo*, *Temyryqo*, *Aslænyqo*, *Gwyrhoqo*, *Dudaryqo* и др.

6. *Soslan*, балк. *Soslan*,¹¹ инг. *Solsa* (в сложном имени *Soska-Solsa*).

В ряде осетинских, в особенности дигорских, вариантов выступает как дублет *Sozyryqo*, что позволяет отождествить этих двух героев (см. выше). О популярности *Soslan*'а в Дигории свидетельствуют, помимо множества связанных с его именем сказаний, такие выражения, как *Soslani ænduræ* 'радуга', букв. 'лук Сослана', а также слывущее за «могилу Сослана» святилище близ сел. Нар, где совершались особые празднества¹². Дигорские записи М. Гарданова (Пам. нар. тв. ос. II) совершенно не знают имени *Sozyryqo*.

Грузинская летопись сохранила нам имя *Soslan* для XIII века в составе имени осетинского князя *Давида Сослана*, мужа царицы Тамары¹³. Этот факт говорит, во всяком случае, о давнишнем бытования имени на осетинской почве. Но осетинское и на этот раз не совпадает с иранским, так как возможность отнесения имени *Soslan* к иранскому слою осетинского языка совершенно исключается: *a* перед носовым в иранском слове было бы невозможно (должно быть *o*), равно как невозможна одинаковая огласовка *o* (*Sos-*) в дигорском и иронском (должно быть *o* в дигорском, но *i* в иронском). Ничего положительного не дают также поиски в других направлениях. Возможна какая-то связь между именами *Soslan* и *Sozyryqo* (см. выше). В пользу этого говорит не только звуковое сходство между этими именами, но и то, что в эпосе эти два имени скрывают в сущности один и тот же эпический образ, раскрывающийся в одном и том же эпическом цикле¹⁴.

7. *Syrdon*, диг. *Sirdon*, балк. *Širdan*, каб. *Šyrtan*, инг. (*Batogo-* *Sertuqo*, *Botoqo Širtta*.

Сын водяного божества *Gætæg*'а или *Wætæg*'а. Хитрая и коварная шельма. Не раз устраивает злые шутки над нартами. Погибает (по одним вариантам) от руки уже мертвого *Sozyryqo*. Есть попытки, имея в виду «водяное» происхождение этого героя, усмотреть во второй части его имени осетинское *don* 'вода' (Рклицкий, 27). Крайне сомнительно. Я предпочел бы рассматривать это имя как образованное с помощью суффикса *-on* от осет. *syrd*, *sird* 'зверь' и таким образом объединить его с другими «зоофорными» нартовскими именами: *Wærxaeg* (см. ниже), *Wyryzmæg* (см. выше).

¹¹ См. АБАЕВ В. Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев. (Язык и Мышление. I, С. 82).

¹² МИЛЛЕР Вс. Осетинские этюды. II, 285.

¹³ BROSSET M. Histoire..., 420.

¹⁴ В чечено-ингушском соответствующий герой носит имя *Soska-Solsa*, в котором срослись воедино оба наших имени: *Sozyryqo* и *Soslan*.

8. *Sæwaj*, балк. *Šauaj*, *Qara Šavaj*¹⁵, бжедух. *Sevaj*.

Сын *Čandz'a* или *Khandz'a* (каб. *Kanže*, бжедух. *Džande*). Юный герой, взращенный в трещине ледника и уже в ранние годы изумляющий всех своей силой и доблестью. В осетинских вариантах – эпизодическая фигура. Более популярен у балкарцев и черкесов.

Имя *Sæwaj* идет, по-видимому, из черкесского, где оно известно как имя родоначальника бжедухского владетельного рода (DUMÉZIL, 131).

9. *Bedzenæg*, *Bædzænæg*, балк. *Bedene*, каб. *Pšy-Badinoqo*, абадз. *Šyatnuq*, зап. черк. *Eše Batupuq*.

Эпизодическая фигура, более популярная на кабардино-черкесской почве (DUMÉZIL, 84 сл.). В некоторых осетинских вариантах его имя переделано в *Dedenæg*, что значит 'цветок'.

В имени *Bedzenæg* можно, кажется, видеть известное племенное название *печенег* и таким образом объединить его с другими наровскими именами монголо-турецкого происхождения.

10. *Aræxcaw*, *Jeræxcaw*, *Saræqcaw*, балк. *Račikau*, каб. *Arakšau*, *Arekšu*.

Сын *Bedzenæg'a*. Эпизодическая и неясно очерченная фигура. Неясно и происхождение имени. Толкование его из осетинского: «часто (*aræx*) идущий (*caw*)»¹⁶ относится к области народных этимологий.

11. *Acætæz*, карач. *Ačimez*, *Ečetej*, кабард. *Ašetmez*, абадз. *Ašmez*.

Сын *Acæ* (балк. *Ači*, *Ečej*, каб. *Aše*). В осетинских вариантах – второй-степенный и эпизодический герой. Как и *Sæwaj* – сочетание юности с выдающейся доблестью. Мститель за кровь отца. У карачаевцев и кабардино-черкесов относится к числу популярных героев (DUMÉZIL, 124 сл.).

Имя *Acætæz* с первого взгляда имеет явно турецкий облик. Оно кажется построенным по типу турецких отлагольных имен с исходом на отрижение *maz*: *Qorq-maz* 'не боящийся', 'бесстрашный', *Qajt-maz* 'не возвращающийся' или 'не отказывающийся', *Qağyr-maz* 'беспечальный' и т.п. *Acætæz* могло бы в этом случае отражать турецкое *Ačmaz*, со значением 'не открывающий' или 'не открывавшийся' → 'неприступный' (от *ačtaq* 'открывать'). Наряду с этим надо, однако, учесть, что в «скифских» надписях I–III в. н. э. встречается имя 'Атамáζаς (ЛАТЫШЕВ, II, 213, 283, IV, 249), 'Аттаμáζаς (ibid., II, 213), которое, принимая во внимание, что греческий не имеет зна-

¹⁵ В. АБАЕВ. Общие элементы ..., 81.

¹⁶ Памятники народного творчества осетин. I, 61, II, 188.

ка для с или ъ, представляет точную и безупречную передачу нашего *Асæтæз*¹⁷.

12. *Totradz, Totraz, Totyradz*, каб. *Totreš*.

Сын *Albeg'a* или *Alymbeg'a* (каб. *Albek*). Эпизодическая, но яркая фигура. Так же, как *Batradz* и *Acæтæз*, выступает юным мстителем за кровь отца. Однако врагом его оказывается на этот раз не иноземец, а нарт *Sozyryqo (Soslan)*, которого он значительно превосходит доблестью, но которому с помощью вещей *Satana* удается хитростью умертвить своего малолетнего, но непобедимого врага (*Dumézil*, 92–95)¹⁸.

Происхождение имени неясно. Есть основания делить его на *Totyradz*. Имя *Totyr* встречается отдельно (Пам. нар. тв. ос., I, 7). Ср. также название осетинского божества *Tutyr*, диг. *Totur* (В. МИЛЛЕР. Ос. Эт., II, 243 сл.). Что касается *-adz*, то его можно сближать с конечным *adz* в имени другого нартовского героя *Batr-adz'a*.

На этом мы заканчиваем обзор первой группы нартовских собственных имен, именно имен, которые пользуются известностью не только у осетин, но и у других северокавказских народов: балкарцев, карачаевцев, кабардинцев, черкесов, ингушей, чеченцев. Сюда можно было бы отнести еще несколько менее популярных имен неясного происхождения:

ос. *Sybalc*, д. *Subalc*, балк. *Sibilči*, каб. *Sybylšy*;

ос. *Čelaxsærtæg, Čilaxsærton, Elaxsærton*, балк. *Giliaxsyrtan*;

ос. фамильное имя *Alæg-a-tæ*, балк. *Alig*, каб. *Allyğe, Ellig*, абадз. *Aladžuq* и др.

Как и следовало ожидать, когда речь идет о таком «интернациональном» эпосе, картина получается довольно пестрая. Имена различного происхождения в результате сложных исторических перипетий вплелись в один эпический клубок, «сбытовались» как элементы «единого» нартовского эпоса. Мы находим здесь лишь одно иранское имя, *Wyryzmæg*,

¹⁷ F. Justi внес имя 'Аттацáаς ('Аттацáаς) в свой *Iranisches Namenbuch*. С. 48, со ссылкой на Müllenhoff'a. Über die Herkunft und Sprache der pontischen Skythen und Sarmaten. (Monatsbericht der K. Akad. der Wissensch., Berlin. Aug. 1866. С. 567). Если вместе с Müllenhoff'ом видеть во второй части др.-иран. *maz* – 'великий', то первую часть, *acæ*, можно было бы связать с осетинским *wac*, *wacæ*, с утратой начального *w* (ср. ниже, имя *Acyruxs*). Но почему дигорский не сохранил начального *w*?

¹⁸ В одном варианте, явно путающем сюжеты *Totradz'a* и *Batradz'a*, первый оказывается уже сыном *Sozyryqo*, а убийцей его отца – «сын *Bur'a*» (= *Buræ-Færnyg'a*), традиционного врага господствующей нартовской фамилии '*Xsærtækkætæ* (Пам. ю. осет..., I, 76 сл.). В другом варианте (Пам. нар. тв. ос. II, 16 сл.) герой зовется не *Totradz* сын *Albeg'a*, а наоборот, *Alibeg* сын *Totradz'a*.

но и оно не может быть отнесено, по-видимому, к исконному иранскому фонду осетинского языка, а усвоено скорее через армяно-албанское посредство. Такие имена, как *Xætus*, *Batradz*, *Bedzenæg*, *Acætæz*, следует рассматривать под углом зрения монголо-турецких влияний, учитывая, в то же время, что они несут следы весьма давнего бытования на осетинской почве. Таким же давнишним достоянием аланско-осетинского мира можно считать имена *Satana* и *Soslan*, хотя о происхождении их нельзя сказать ничего определенного, кроме того, что они не могут быть отнесены к иранскому слою осетинского языка.

Наконец, имена *Sozyryqo* и *Sæwaj* вызывают в первую голову кабардино-черкесские реминисценции.

Переходя теперь ко второй группе нартовских собственных имен, к именам, известным только осетинам и неизвестным или почти неизвестным другим северокавказским народам, мы вправе ожидать a priori, что иранский элемент будет здесь более ясно выражен. Так оно в действительности и оказывается.

13. *Wærxaeg*.

Родональчик нартов (точнее главной нартовской фамилии '*Xsærtækkatæ*'), отец близнецов *Xsar'a* и *Xsærtæg'a* (*Dumézili*, 20 сл.). В некоторых вариантах (Пам. ос. нар. тв., II, 75 сл.) он не является эпонимом, но всегда стариком, старшим в роде: *zærond Wærxaeg* 'старый *Wærxaeg*'. Имя это известно также в форме *Wælxæg* (моя запись в сел. Тли Южной Осетии).

Имя *Wærxaeg* я рассматриваю как закономерное развитие на осетинской почве древнесеверноиранского слова **varka-* 'волк', с наращением излюбленного осетинского суффикса *-æg*;ср. авест. *vəhrka-*, др. перс. **varka-* в названии страны *Varkāna*, санскр. *vṛka-*, русск. волк и др. Вытесненное из обихода это старое иранское слово удержалось, как часто бывает, в фольклоре. Для 'волка' осетины употребляют сейчас слово *biræh*, рассматриваемое, как турецкое: джагат., уйгур., туркм. *bëri*, казан., тоболь. *büri* (РАДЛОВ, IV, 1698, 1887).

Более подробное обоснование предложенной здесь этимологии имени *Wærxaeg* будет дано в другой работе.

14. '*Xsar*, *Æxsar*, *Æxsart*, *Æxsnart*, *Æxsæl*.

Один из сыновей-близнецов *Wærxaeg'a* (*Dumézil* 20 сл.).

Имя восходит к древнеиранскому *xšaθra-* (В. Миллер. Ос. эт., III, 142), с закономерной перестановкой *θr* → *rt* (ср. авест. *riθra* – осет. *furt* 'сын', авест. *āθr-* – ос. *art* 'огонь' и т. п., Grundriss I B., Anh. 36, Hübschmann, Oss. Etym., 108): авест. *xšaθra-*, др. перс. *xšaθra-* (в собств. им.) «скиф.» չատ (в собств. им.); переводится 'власть',

‘царство’, но имело специфическое космическое и культовое значение, чем и объясняется его широкое использование для собственных имен¹⁹. Ср. «скифские» собств. имена: Ξάρταμος, Ξάρθανος, Καινάξαρθος, Δανδάξαρθος, Διδυμόξαρθος, Δοσυμόξαρθος, Φαρνόξαρθος, бактрийское имя *Oxyartes*, название Сыр-Дары *Jaxartes*, др. перс. *Arta-xšaθra* и др. Слово ’xsar сохранилось в осетинском также в нарицательном значении ‘добрость’.

15. ’Xsærtæg, Æxsærtæg, Æxsnærtæg, Æxsæltær.

Сын *Wærxaeg*’а, брат-близнец *Xsar*’а, отец *Wyryzmæg*’а и *Xætusc*’а, эпоним главной нартовской фамилии ’Xsærtækkatæ («Хаспаговы»).

Имя это образовано от предыдущего, ’Xsar, с помощью весьма употребительного «уменьшительного» суффикса -æg = др. иран. -aka, ср. иран. -ak (ср. выше, стр. 77, другие нартовские собственные имена с исходом на -æg)²⁰. В качестве имени родоначальника славной нартовской фамилии это имя, несмотря на свой сугубо «осетинский» характер, проникло и к соседям; ср. балк. *Sxurtuk*, отец *Urysmek*’а. Сюда же относится, быть может, ингушское *Orxustoj*, Ärxstuäj, название богатырского племени, более популярное у ингушей, чем *Njart* (Dumézil, 4,5): *Æxsærtæg* → *Äxsærtäj → *Ärxästäj → *Orxustoj* (в отношении перебоя: осет. g → ингуш. j ср. осет. *læg* ‘человек’ – инг. *läj*, осет. *sag* – инг. *säj* ‘олень’ и др., см. Яфетический сборник, VII, 73).

16. Æxsijnæ (Æfsijnae).

Второе имя уже известной нам героини *Satana* в дигорских вариантах. В записях М. Гарданова (Пам. ос. нар. тв., II) мы встречаем преимущественно это имя (стр. 10, 12, 17 сл., 22 сл., 36 и др.); иногда оба имени вместе – *Æxsijnæ-Satana* (стр. 45), причем *Æxsijnæ* воспринимается здесь, как постоянный эпитет *Satana*.

Собственно ‘госпожа’, ср. ирон. ’xsin, диг. æxsijna, æxsinæ в этом значении. Старый осетинский термин, усвоенный также в венгерском: венг. *asszonys* ‘женщина’ (Keleti Szemle, V, 315). Как и предыдущие два имени, этимологически возводится к древнеиранской основе *xšā(y)* ‘сиять’, ‘блестать’, ‘властвовать’²¹. Древнеиранская форма восстанавливается в виде **xšainā-*, **xšainī-* или **xšaiθnī-* (авест. *xšōiθnī-*,

¹⁹ J. HERTEL. Die arische Feuerlehre. S. 9; его же, Die awestischen Herrschafts- und Siegesfeuer. Abh. der philol.-hist. Kl. der Sächs. Ak. d. Wiss., B. XLI, № VI, S. 54.

²⁰ Ср. такие пары, как инд. *Bharata* и *Bharatka*, перс.-арм. *Valarš* и *Valaršak* (HÜBSCHMANN. Arm. Gr., 79), *Valin* и *Valinak* (JUSTI. Ir. Nam. 346) и т. п.

²¹ J. HERTEL. Beiträge zur Erklärung des Awestas und des Vedas. Abh. der philol.-hist. Kl. der Sächs. Ak. d. Wiss. B. XL, № II, S. 181–182.

Bartholomaes, Gr., I, 108); ср. перс.-арм. *Ašken*, имя жены царя Трдата (III в. н. э.)²².

17. *Buræ, Boræ, Buræ-Færnyg* д. *Boræ-Færnyg*.

Эпоним фамилии *Boretae*, *Boriatæ*, находящейся в традиционной вражде с фамилией 'Xsærtækkatæ'. Отец семи сыновей, побежденных в состязании *Batratz'om*.

Основная часть имени – *Buræ, Boræ, Færnyg, Færnyg* – украшающий эпитет в значении 'богатый *farn'*ом', т. е. 'небесной благодатью', от слова *farn* = авест. *hvarənah-*, др. перс. **farna-* (в собств. им.), «скиф.» *φarn* (в собств. им.), согд. **farn* (*p'm*), н.-перс. *farr*; первоначально – 'небо-свет-огонь'²³.

Что касается *Buræ, Boræ*, то оно тождественно, возможно, осетинскому же слову *bur, bor* 'желтый', 'бурый', ср. «скифские» собственные имена *Βόρακος, Βόρσπος* и др. (JUSTI, 70 сл.)²⁴.

18. *Sajnæg, Sajnæg-Ældar*.

Обычно фигурирует как враг нартов и объект их военных экспедиций и подвигов (DUMÉZIL, 64 сл., 65 сл.). В записях B. Munkácsi находим форму *Saw-ajnæg* (Blüten der ossetischen Volksdichtung, Budapest, 1932, стр. 126 сл.).

Наличная в текстах B. Munkácsi форма *Saw-ajnæg* легко осмысляется в осетинском как 'черная (*saw*) скала (*ajnæg*)'. Форму *Sajnæg* можно было бы в этом случае рассматривать как результат стяжения *Saw-ajnæg*, и *Sajnæg-Ældar* переводить как 'Владетель (*Ældar*) черной скалы'²⁵. Вполне возможно, однако, что мы имеем здесь народное осмысление непонятного имени *Sajnæg*. В этом случае для последнего надо искать какое-то другое разъяснение. Я мог бы указать здесь на монгольское *sayin* 'славный', употребительное в составе монгольских собственных имен, напр. *Bars-Bolad-Sayin-Alag*²⁶. Ср. также «скифское» *Σαναγος* (ЛАТЫШЕВ, I, 109).

²² HÜBSCHMANN. Arm. Gr. 20, JUSTI. Ir. Nam., 43. Женское имя *Ašken, Axšen* до сих пор в ходу у армян.

²³ HERTEL J. Die awestischen Herrschafts- und Siegesfeuer. S. 75 ff. Слово обильно представлено в иранских собственных именах, см. JUSTI. 92 сл., 493; ср. в особенности «скифское» *Φάρναγος* (ЛАТЫШЕВ, I. 97, 104, 105, 107, 120).

²⁴ Недопустимо фонетически отождествление *Buræ, Boræ* с ос. *biræ, bewræ* 'много' (А. ШИФНЕР. Осетинские тексты. 51; JUSTI. 73).

²⁵ Так именно и tolкуется имя собирателем Шанаевым [Сб. свед. о кавк. горцах, IX, 9–20, DUMÉZIL. 61 ('Prince des Roches'), 112 ('le sire des Rochers')].

²⁶ ВЛАДИМИРЦОВ Б. Я. Общественный строй монголов. 1934. С. 154, 174 и др.

19. *Acyruxs*, диг. *Waciroxs*.

Эпизодическое женское имя (Пам. ос. нар. тв., II, 32 сл.).

Встречается и вне нартовского цикла (Пам. ю. ос..., II, 98).

Буквально: 'свет (*ruxs, roxs*) *Wac*'а', где *Wac* – культовой термин, наличный в именах осетинских божеств *Wac-Illa*, *Was-Gergi* и др. и идентичный, по моему мнению, с осетинским *wac* 'слово', 'логос', авест. *wāc-*²⁷. Вторая часть *ruxs, roxs* 'свет' – представляет также хорошо известное иранское слово: авест. *raoxšna-*, санскр. *rukṣa-*, лат. *lux* и т. д.

Элемент *Wac* мы находим еще в названии чудесной нартовской части *Ac-amongæ*, *Waci-amongæ* (Пам. нар. тв. ос., III, 10, 23, 24; МИЛЛЕР. Дигорские сказ., 44, 142; Пам. ос. нар. тв., II, 122), а также еще в одном женском имени – *Wadz-æftawæ*, букв. 'умножающая *Wac*' (Пам. нар. тв. ос., II, 52–56, 184).

Наш обзор охватил все наиболее значительные и интересные нартовские собственные имена. В сказаниях встречается еще множество других имен, но они принадлежат эпизодическим героям, появляющимся лишь в отдельных вариантах, лишенным сколько-нибудь отчетливой социальной и психологической характеристики и не связанным в фольклорной традиции с каким-либо определенным и устойчивым эпическим циклом.

Какие выводы можно сделать из нашего обзора? Выше мы указывали, что анализ собственных имен сам по себе не может вести непосредственно к каким-либо далеко идущим выводам в отношении происхождения эпоса или хотя бы отдельных мотивов и сюжетов. Большая типологическая пестрота и разнообразие нартовского ономастикона свидетельствует во всяком случае о большой сложности процесса формирования нартовского эпоса и пестроте и разнообразии тех этнических групп, которые оказали влияние на его хотя бы внешнее оформление.

Элементы, идущие из разных эпох и из разных этнических культур, в процессе междуплеменных сходений оказались накрытыми одним общим колпаком «нарты»²⁸.

²⁷ Обоснование такого толкования элемента *Wac*дается в моей работе (еще не опубликованной) «Мировоззрение Авесты и Риг-Веды».

²⁸ Эта тенденция вовлекать в один цикл имена самого различного происхождения сказывается ярко и в другом эпическом цикле, популярном у осетин, так наз. «Даредзановских» сказаниях, где общий ярлык «Даредзанов» наклеивается и на героев Шах-Наме, и на героев грузинского романа «Амиран-Дареджаниани», и на героев, типологически тождественных нартовским героям (см. мое предисловие к переводу этого эпоса:

Естественно, что предполагать при этих условиях какой-то общий генезис для всех или хотя бы главнейших имен совершенно не приходится, как не приходится говорить и об общем генезисе всех нартовских повествований и мотивов.

Не имея в виду решение общих генетических вопросов, отметим только, что мы имеем в эпосе, во-первых, небольшую, но компактную и ярко выраженную группу, которую можно определить как иранскую: *Wyryzmæg*, *Wærxaeg*, *'Xsar*, *'Xsærtæg*, *Æxsijne*, *Buræ-Færnyg*, *Acyruxs* (*Waciroxs*) и некоторые другие.

В этой группе следует однако выделить имя *Wyryzmæg*, которое вместе с именем *Satana* ведет нас, по-видимому, на юг, в албано-армянский мир.

Далее мы находим в эпосе ряд имен, которые заставляют поставить вопрос о турецко-монгольских влияниях: *Xætus*, *Batrads*, *Bedzenæg*, *Asætæg* (?) и другие.

Происхождение ряда имен остается неясным: *Sozyryqo*, *Soslan* и др.

Из предложенных мною отдельных разъяснений наиболее интересным и, если угодно, наиболее смелым является, быть может, разъяснение: *Wærxaeg* – «Волк». Оно имеет, по моему мнению, не только лингвистический, но и мифологический и культурно-исторический интерес. В другой работе я возвращаюсь к этому вопросу и развиваю подробнее то, о чем умолчал в настоящей, чтобы не создавать диспропорции в изложении.

V. I. ABAEV

ABOUT PROPER NAMES OF THE NART EPOS

The Institute of the Language and Thinkings of the USSR Academy of Science.

Jazyk i myšlenie. V. 1935

SUMMARY

The analysis of Nart's proper names, not covering by itself the problems of the Nart epos in a whole, is however one of the important and necessary stage on the way to scientific research of this problem.

«Амран», изд. Academica, 1932). Нет надобности указывать, что мы имеем здесь дело с чертой, характерной для всяких больших эпических полотен, создающихся в народе, будь то Одиссея, Илиада, Калевала или мифологическая часть Шах-Наме.

If bear in mind all variants of the Nart's legends i.e. both Ossetian, Kabardian and Balkar and others, and if take on account all the heroes, who in these legends refers to this tribe the Nart's onomasticon turns out to be exclusively rich and various and contains the imposition of the very different epoches, cultures and languages.

The Elements, going from different epoches and ethnic cultures turned out to be covered by one general hubcap "Narts". Naturally that to expect under all these condition some general genesis for all or at least the most main names absolutely does not happen to, as does not happen to to speak of the general genesis of all Nart's narratives and motifs. Not bearing in mind the solving here the general genetic questions we may note only that we have in the epos, first of all, the small, but compact and brightly expressed group, which may be possibly defined as iranian: Wyryzmæg, Wærxaeg, 'Xsar, 'Scærtæg, Æxsijnæ, Buræ-Færnyg, Acyruxs (Waciroxs) and some others.

In this group it's necessary however to select the name Wyryzmæg, which together with name Satana, leads us probably, to the south, to the alban-armenian world. Hereinafter we find in epos the names, which force us to put the question about turkish-mongolian influences: Xæmyc, Batradz, Bedzenæg, Acæmæz and others. The origin of the some of the names remains unclear: Sozyryqo, Soslan and othes.